

Донн. Х.

129-июль
1982.

— Хорхе, вы в труппе Бежара почти двадцать пять лет — как вы пришли к нему и в чем секрет вашей преданности?

— Пришел, потому что захотел. Мне было 16 лет, я учился в классической школе театра Колон, был воспитан на «Жизели» и ни о чем другом и понятия не имел. Когда я увидел, как танцуют эти люди, я был поражен, я и вообразить не мог, что такое существует. И остался с ними. Это было мгновенное решение, почти бессознательное. Мне важна сущность балета Бежара. Его нельзя ни с кем сравнивать или относить к какому-то течению. Он уникален. Не в смысле лучше-хуже, просто он — один. Он вобрал в свой балет классический танец и современный, драматическое искусство, и музыку, и философию, он открыл балет широкой публике, он воссоздал танец в том первоначальном его смысле, когда танцор умел играть, и петь, и говорить, и балет не был искусством для элиты. Он обрел истоки Танца, он обращается ко всем, и каждый — знаток и профан — может найти что-то свое в его балетах. И потом, Бежар никогда не утверждает, он предлагает. Он «проявляет» сущность человека. Он создал меня.

— И все эти годы балет Бежара — «ваш» балет?

— Да. Я работал и с другими балетмейстерами, даже с Баланчиным, но неизменно возвращаюсь к Бежару. Ибо его труппа, хотя она и меняется, всегда го-

и за кулисами

ворит об одном — о вере в человека, в его свободу.

— Как складываются ваши отношения — хореографа и танцовщика?

— Я — исполнитель. Я выражаю то, что хочет сказать он. И то, что хочу сказать я сам. Это союз создателей. Но я интерпретатор, я на службе у творца. Я продолжаю работать с Бежаром, потому что он неизменно дает пищу, которая мне необходима. Мне часто говорят — тебе повезло, Бежар столько тобой занимается! Занимался, правда, — когда мне было 16 лет. А потом я работал сам. Мне пришлось работать много, чтобы не перестать быть интересным ему. Чтобы он продолжал что-то для меня ставить. Потому что всякий творческий человек, всякий мастер изменчив. И это нормально. Так что я сам его все время окликаю: «Эй, я все еще здесь!»

— Мне кажется, вы достаточно сильная натура, чтобы не только подчиняться, но и противостоять. Так бывает?

НА ЯЗЫКЕ ТАНЦА

● Хорхе Донн и Морис Бежар на репетиции.

— Настоящий художник знает, чего он хочет, даже если ошибается. И ему вовсе не обязательно мое мнение. Я могу наполнить его балет тем, что есть во мне. Чтобы служить его творениям. Один и тот же балет меняется в зависимости от того, кто его танцует. «Болеро» Плисецкой и «Болеро» Донна — два разных балета, хотя хореография и музыка те же. Для меня это обряд, ритуал. Главное всегда — человек, его сущность. Об этом все балеты Бежара. В этом смысл. В этом и состоит мое творчество — внутри творчества другого. И это творчество я люблю.

— Вам никогда не хотелось выступить в роли этого «другого» — мастера, создателя?

— Нет, ставить балеты я бы не хотел. А преподавать — да. Я много езжу, вижу разные балетные школы. Там учат танцевать, но не учат думать. Пусть это не покажется претензией, но мне бы хотелось это изменить. Танец эволюционирует очень быстро, но не вполне в том направлении. Я имею в виду технику. Молодых танцовщиков не учат пониманию, «ощущению» тела, и я вижу, что тела многих

стоящее время, Брюсселя... Кто вы? Ощущаете ли вы свою принадлежность к какой-то одной нации, культуре?

— Я и тот, и другой, и никто. Во мне живо все это.

— И все же, где вы «у себя»?

— Мне хорошо везде. И здесь, в Ленинграде, хотя это не «мой» город, я пока не чувствую его. Но все искупает публика — несмотря на незнание языка, я ощутил вчера вечером, что меня поняли, потому что мой язык — танец. У меня огромное преимущество — меня могут понять всюду. И это диалог, потому что я танцую ради тех, кто в зале, они побуждают меня танцевать. Это и есть общение. Я не ощущаю никогда чуждости той или иной культуры. И жизни.

— Вы предпочитаете общество или одиночество, или бываете одиноки, отстранены и с людьми?

— И так, и так, наверное. Я всегда был одиночкой, с детства. Я долго молчал. Но теперь мне необходимо общение. Все больше и больше. Потому что люди — зеркало. В них я смотрюсь — и учусь... Я вообще ученик во всех смыслах.

— Возможно ли для вас полное взаимопонимание с людьми небалетными? Всегда кажется, что балетная среда более замкнута, чем любой другой профессиональный круг.

— И да, и нет. Я — не танцовщик. Я — сто тысяч вещей одновременно. Я живу моментом, мгновением.

— Балет — искусство момента?

— Думаю, да. Бежар только недавно позволил снимать свои балеты и, по моему, недоволен этим, нельзя заточить себя в железную коробку. Балет — движущаяся сущность, его нельзя заспиртовать. Нижинскому повезло, что о нем не был сделан фильм, остались только фотографии. Потому что, посмотри мы его фильм, нас постигло бы глубочайшее разочарование. Ибо то, что есть Нижинский, нельзя снять на пленку. Сегодня любой танцовщик кордебалета станцует вам не хуже. А на фотографиях мы чувствуем ауру... и гений его...

— Насколько едина ваша труппа?

— Трудно сказать. Но у нас есть сила, объединяющая всех, независимо от мыслей и настроений, — это Бежар. Потому что те, кто пришел в «Балет XX века», работают не ради денег, не ради славы, не ради чего-то еще, только ради Бежара. Он связывает всех нас.

Беседу вела
М. ЗОНИНА.

— Родители — Дон и Итович — уроженцы Литвы, сын — гражданин Аргентины, почти француз по языку, житель, в на-

Фото С. Красюка и В. Барановского.